

АЛАЯ ЧУМА

I

Тропа шла по возвышению, которое когда-то было железнодорожной насыпью. Но уже много лет тут не проходил ни один поезд. С обеих сторон к насыпи подступал лес, деревья и кустарник поднимались по склонам, и зеленая волна захлестывала узкую, где не разойтись вдвоем, звериную тропу. Кое-где из земли торчали куски металла, свидетельствовавшие о том, что внизу, под слоем слежавшихся листьев и мха, были рельсы и шпалы. В одном месте молодое, дюймов десять толщиной, деревце разорвало стык и загнуло конец рельса кверху. Вместе с рельсом, повиснув на длинном костыле, причудливо вздыбилась полусгнившая шпала; то место, куда она была уложена, давно занесло песком и опавшими листьями. Угадывалось, что дорога была однорельсового типа, хотя и пришла в полный упадок.

По тропе шли двое: старик и мальчик. Они шагали медленно, ибо старик был очень дряхл; он тяжело опирался на палку, руки и ноги у него дрожали. Грубая шапка из козлиной шкуры защища-

ла его голову от солнца. Из-под шапки выбивались редкие пряди грязно-белых волос. Старик надвинул на глаза козырек, хитроумно сделанный из большого листа, и пристально вглядывался, куда ступать. Его борода, большими спутанными космами спадавшая на грудь, была бы белой как снег, если бы не дым костров и непогода.

Облезлая козья шкура составляла все его одеяние. Тонкие, высохшие руки и ноги выдавали крайне преклонный возраст старика, равно как потемневшая от загара кожа, многочисленные шрамы и царапины говорили о том, что долгие годы ему пришлось провести под открытым небом.

Мальчик шел впереди, с трудом принаравливаясь к медленным шажкам старика; одеждой ему также служил кусок обтрепанной шкуры с неровными краями и дырой посередине для головы. Ему было лет двенадцать, не больше. В волосы он кокетливо воткнул недавно отрезанный кабаньих хвост. В руке он держал небольшой лук и стрелу, за спиной болтался колчан. Из ножен, висевших на ремне, перекинутом через шею, торчала щербатая рукоятка охотничьего ножа.

Мальчишка был черен от загара и ступал мягко, по-кошачьи. Контрастом к его опаленному солнцем лицу были синие глаза, смотревшие пытливо и пронизательно. Казалось, он сверлил взглядом каждый предмет, попадавшийся на пути. Кроме того, он чувствовал малейшие запахи, и вздрагивающие, раздувающиеся ноздри доносили в его мозг нескончаемый поток сигналов из внешнего мира. Он обладал острым, тренирован-

ным слухом. Не прилагая никаких усилий, он улавливал в кажущемся безмолвии легчайшие звуки, улавливал, различал и группировал их, будь то шелест листьев на ветру, жужжание пчелы или звон комара, гул далекого прибоя, слышимый только в минуту затишья, или возня суслика на тропе, совсем рядом, подтаскивающего землю к отверстию своей норы.

Внезапно мальчик насторожился. Зрение, слух и обоняние одновременно предупредили его о какой-то опасности. Не оборачиваясь, он предостерегающе коснулся рукой старика, и оба замерли. Впереди, у самого края насыпи, захрустели ветки; мальчик устремил взгляд на закачавшуюся верхушку куста. Оттуда вывалился огромный серый медведь, и, увидев людей, тоже остановился как вкопанный. Встреча, очевидно, была ему не по душе, и он угрожающе заворчал. Мальчик медленно приложил стрелу к луку и так же медленно натянул тетиву. Он не сводил глаз с медведя. Старик не шелохнулся и тоже уставился на медведя из-под своего козырька. Люди и зверь внимательно несколько секунд изучали друг друга; медведь начал обнаруживать признаки нетерпения, и мальчик кивком показал старику, чтобы тот сошел с тропы и спустился с насыпи. Сам он тоже стал пятиться назад, держа лук наготове. Они подождали немного, пока с другого склона насыпи не послышался треск ломаемых кустов, — зверь прошел. Когда они снова поднимались наверх, мальчик усмехнулся:

— Крупный!

Старик покачал головой.

— Их все больше с каждым днем, — пожаловался он тоненьким надтреснутым голоском. — Разве я думал, что доживу до такого времени, когда люди будут бояться ходить здесь! Помню, когда я был маленьким, в хороший день люди целыми семьями приезжали сюда из Сан-Франциско. И никаких медведей не было. Да, сэр, никаких. Так редко попадались медведи, что люди платили деньги, чтобы посмотреть на них в клетках.

— А что такое деньги, дед?

Прежде чем старик успел ответить, мальчик, вспомнив что-то, торжествующе сунул руку в сумку, которая свисала у него под шкурой, и вытащил тусклый, потертый серебряный доллар. Старик поднес монету к носу, глаза его заблестели.

— Ничего не вижу, — пробормотал он. — Посмотри-ка, Эдвин, может быть, разберешь год чеканки.

Мальчик засмеялся:

— Ну и чудной же ты! Все врешь, будто эти крохотные черточки что-то значат.

По лицу старика пробежала тень привычной грусти, и он снова поднес монету к глазам.

— Две тысячи двенадцатый год! — взвизгнул он и залился полубезумным смешком. — Как раз тогда Правление Магнатов назначило Моргана Пятого Президентом Соединенных Штатов! Это, должно быть, одна из последних монет: ведь Алая смерть пришла в 2013 году. Господи, подумать только! Минуло уже шестьдесят лет, и я един-

ственный, кто остался в живых с тех времен. Эдвин, где ты нашел эту монету?

Мальчик, слушавший старика с тем терпеливо-снисходительным видом, с каким слушают болтовню слабоумного, тут же ответил:

— Мне дал ее Хоу-Хоу, а он нашел ее прошлой весной, когда пас коз у Сан-Хосе. Хоу-Хоу сказал, что это деньги. Дед, ты разве не хочешь есть?

В глазах у старика мелькнул голодный огонек, и, покрепче ухватив свою палку, он заковылял по тропе.

— Хорошо, если Заячья Губа поймал краба, а то и двух... — бормотал он. — У крабов вкусное мясо, очень вкусное, особенно когда нет зубов, но зато есть внуки, которые любят своего дедушку и стараются поймать ему краба. Когда я был мальчиком...

Эдвин вдруг увидел что-то и остановился, натягивая лук. Он стоял как раз на краю овражка. Некогда здесь проходила дренажная труба, которая потом развалилась, и вздувшийся ручей размыл насыпь. На другом краю овражка, нависая над обрывом, торчал ржавый рельс, обвитый диким виноградом. Подальше, у куста, припал к земле кролик, испуганно поводя глазами. Расстояние было футов пятьдесят, но стрела, мелькнув в воздухе, настигла цель; раненый зверек, пискнув от испуга и боли, тяжело запрыгал в заросли. Тут же мелькнули загорелое тело и развевающаяся шкура: мальчик прыгнул с откоса и одним духом взо-

брался на противоположную сторону оврага. Молодые мускулы его играли, точно эластичные пружины. Футов через сто в кустарниковой чаще он настиг кролика, размахнувшись, ударил его головой о ближний ствол и отдал нести старику.

— Мясо кролика очень вкусно, — начал старик дребезжащим голосом, — но уж если говорить о деликатесах, то я предпочитаю крабов. Когда я был мальчиком...

— Отчего ты все время болтаешь какую-то чепуху? — досадливо прервал мальчик своего словоохотливого спутника.

Он произнес отнюдь не эти слова, но какие-то лишь отдаленно напоминающие их гортанные, взрывные звуки, составлявшиеся в короткие, отрывистые слова, почти не передающие оттенки смысла. В его речи угадывалось сходство с речью старика, похожей на дурной, испорченный английский язык.

— Почему ты вместо «краб» говоришь «деликатес»? — продолжал мальчик. — Краб — это краб. Никогда не слышал такое смешное название!

Старик вздохнул, ничего не ответил, и дальше они шагали молча. Рокот прибоя стал слышнее, когда они вышли на опушку леса к гряде песчаных дюн, подступавших к морю. Между дюнами бродили козы, пощипывая скудную травку; за козами присматривал одетый в шкуру подросток с большой, волчьего обличья, собакой, чем-то напоминавшей шотландскую овчарку. К шуму прибоя примешивался не то лай, не то какие-то всхлипы — низкие, нутряные, доносившиеся с больших

остроконечных камней ярдах в ста от берега. Туда выползали огромные морские львы, грелись на солнце, дрались друг с другом. Поблизости вздымался дымок от костра, похожий на дикаря мальчишка подкладывал в огонь сучья. Рядом лежали несколько псов, совсем таких же, как тот, что сторожил коз. Старик ускорил шаг и, подходя к костру, стал жадно принохиваться.

— Мидии! — пробормотал он восторженно. — И, кажется, еще краб, Хоу-Хоу? Ну, мальчики, вы и в самом деле любите своего старого дедушку!

Хоу-Хоу, паренек примерно того же возраста, что и Эдвин, засмеялся:

— Тебе хватит, дед. Я поймал четырех крабов.

Жалко было смотреть, как от жадного нетерпения у старика тряслись руки. Торопливо, насколько позволяли негнувшиеся колени, он опустил на песок и палкой выкатил из углей крупную мидию. От жара створки раковины раскрылись, и розоватое мясо отлично запеклось. Старик задрожал, схватил кусок моллюска большим и указательным пальцами и поднес ко рту. Но кусок оказался чересчур горячим, и он в тот же миг выплюнул его. Старик захныкал от боли, на глазах выступили слезы и покатались по щекам.

Мальчишки были настоящие дикари, и их юмор был весьма груб и примитивен. Происшедшее показалось им ужасно смешным, и они разразились громким смехом. Хоу-Хоу приплясывал у костра, а Эдвин в полнейшем восторге катался по земле. Прибежал мальчишка, стерегущий коз, чтобы тоже принять участие в веселье.

— Эдвин, остуди их, пожалуйста! — умолял огорченный старик, не пытаясь даже вытереть слезы, бежавшие из глаз. — И достань также краба, Эдвин. Ты же знаешь, твой дедушка любит крабов.

Раковины подсыхали на угольях и лопались от жара с громким шипением. Моллюски были большие, от трех до шести дюймов длиной. Мальчишки выгребали их из золы палками и, чтобы остудить, складывали на бревно, выброшенное на берег.

— Когда я был мальчиком, мы не смеялись над старшими, мы почитали их.

Поток бессвязных жалоб и упреков не прекращался, но внуки не обращали на деда никакого внимания. Все принялись за еду, действуя одними руками, громко чавкая и причмокивая. Старик ел осторожно, старался не спешить, чтобы снова не обжечься. Третий мальчишка, по прозвищу Заячья Губа, незаметно насыпал щепотку песка на кусок моллюска, который дед подносил ко рту; песчинки вонзились тому в нёбо и десны, и тут снова раздался оглушительный хохот. Бедняга не догадывался, что с ним сыграли злую шутку, он фыркал и отплевывался до тех пор, пока Эдвин, смилостивившись, не подал ему тыкву со свежей водой, чтобы прополоскать рот.

— Где же крабы, Хоу-Хоу? — спросил Эдвин. — Дед хочет есть.

В глазах старика опять зажегся голодный огонек, когда ему подали краба. Клешни, панцирь — все было цело, но мясо внутри давно высохло.

Дрожащими пальцами, в предвкушении удовольствия, старик оторвал одну клешню и обнаружил, что внутри пусто.

— Где же мясо, Хоу-Хоу? Где же мясо? — захныкал он.

— Я пошутил, дед. Крабов нет. Я не поймал ни одного.

По сморщенным щекам старика катились слезы бессильной обиды и разочарования, а мальчишки чуть не визжали от восторга. Потом Хоу-Хоу на место высохшего краба незаметно подложил другого, только что из золы. Клешни у него были уже оторваны, и от белого мяса шел ароматный пар. Почувствовав знакомый запах, старик удивленно посмотрел вниз. Уныние его тотчас сменилось радостью. Он жадно втянул воздух, чуть ли не воркуя от восторга, и накинулся на еду. Это привычное зрелище не останавливало внимания внуков. Не замечали они ни отрывочных восклицаний, которые, причмокивая и чавкая, издавал старик, ни его бессмысленных, как казалось им, фраз: «Ах, майонеза бы! Майонеза! Шестьдесят лет — два поколения! — не попробовать, даже не видеть майонеза. А ведь тогда его подавали к крабам в каждом ресторанчике».

Наевшись до отвала, старик вздохнул, вытер руки о голые колени и задумчиво посмотрел на море. С ощущением сытости нахлынули воспоминания.

— А ведь когда-то на этом самом берегу было полным-полно народу, особенно по воскресеньям! И никто не боялся медведей. А вон там, как

раз на скале, стоял большой ресторан, и кормили там преотлично и выбор был богатый. Четыре миллиона человек жили тогда в Сан-Франциско. Теперь в городе и во всем графстве и сорока человек, пожалуй, не наберется. По заливу беспрерывно плыли корабли: одни входили в Золотые Ворота, другие шли в открытое море. А в небе — воздушные корабли, дирижабли и аэропланы. Они делали по двести миль в час. Почтовая компания «Нью-Йорк энд Сан-Франциско лимитед» считала такую скорость минимальной. Был один француз, забыл его имя, — так ему удалось сделать триста миль. Но это было рискованно, слишком рискованно, по мнению консервативной публики. Но он шел по верному пути и наверняка добился бы большего, если бы не Великий мор. В детстве я знал стариков, которые видели появление первых аэропланов, а теперь мне самому довелось стать свидетелем того, как исчезли последние аэропланы, и это было шестьдесят лет назад.

Внуки не слушали словоохотливого старика: они давно привыкли к его болтовне и большая часть слов к тому же была им непонятна. Случившийся тут наблюдатель мог бы заметить, что в бессвязных разговорах старика с самим собой речь его обретала в какой-то степени былую стройность и изящество слога. Но когда он обращался к внукам, то снова бессознательно подлаживался к их грубому, примитивному языку.

— Тогда, правда, было мало крабов, — разглагольствовал старик. — Их повыловили. И они считались самым изысканным деликатесом. Да

и сезон ловли длился какой-нибудь месяц. А теперь крабов можно раздобыть в любое время года. И что удивительно: их можно наловить тут же, в прибрежных камнях у скалы, где стоял ресторан!

Пасущиеся неподалеку козы вдруг забеспокоились, сбились в кучу, и мальчишки вскочили на ноги. Собаки у костра кинулись к своему рычащему товарищу, который стерег стадо, а козы поскакали под защиту людей. С полдюжины серых отошавших волков пробирались среди дюн, готовые напасть на рычащих собак. Эдвин пустил стрелу, но она упала, не долетев до цели. Тогда Заячья Губа раскрутил пращу — вроде той, наверное, с какой Давид пошел на Голиафа, и так сильно метнул камень, что он просвистел в воздухе. Камень упал посреди стаи, и напуганные волки отступили в чашу эвкалиптового леса.

Мальчишки засмеялись и снова улеглись на песок, а старик задумчиво вздохнул. Он явно переел и теперь, сплетя пальцы на животе, снова принялся разглагольствовать.

— «Миры проходят словно дым», — продекламировал он, очевидно, строку какого-нибудь автора. — Да, все быстротечно, как дым. И человеческая цивилизация на этой планете — тоже дым. Люди одомашнили животных, которых удалось приручить, уничтожили диких зверей, расчистили землю от буйной растительности. Но потом человечество умерло, планету захлестнул поток первобытной жизни, сметая на своем пути все, что сделали люди; леса и сорная трава надвинулись на поля, хищники растерзали стада, и вот по